

АКАДЕМИИ НАУК СССР  
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

XVII НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ  
АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Тезисы докладов

Москва 1987

над ними в их повседневной жизни, — отражением, в котором земные силы принимают форму неземных". (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 328).

Е. В. Говор

#### Д. А. ДРИЛЬ — РУССКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НОВОКАЛЕДОНСКОЙ ССЫЛКИ

В 1899 г. в Петербурге была опубликована книга "Ссылка во Францию и России" с подзаголовками "Из личных наблюдений во время поездки в Новую Каледонию, на о. Сахалин, в Приамурский край и Сибирь". Автором ее был выдающийся русский ученый-криминалист, профессор Дмитрий Андреевич Дриль. Соединение под одной обложкой столь отдаленных мест как Новая Каледония и русский Дальний Восток может показаться на первый взгляд случайным, но анализ предшествующих событий свидетельствует о правомерности и даже закономерности такого сопоставления.

Интерес к Новой Каледонии зародился в России именно после учреждения там каторги в 1863—1864 гг. и особенно после ссылки туда политических заключенных — коммунаров. И это не удивительно. Россия, уже в то время одна из крупнейших ссыльно-каторжных держав, осваивавшая с помощью этих институтов бескрайние просторы Севера, Сибири и Дальнего Востока, постоянно следила за развитием каторги и ссылки за океаном. На страницах русских литературно-политических журналов в 70—80-е гг. то и дело стали появляться описания "ужасов" Новой Каледонии. В основном это были переводы французских и английских публикаций, зачастую с очень резкими, обличительными комментариями. Так, например, воспоминания ссыльного коммунара Симона Майера публиковались одновременно в трех журналах. В это же время на Новой Каледонии побывали и первые русские путешественники. В 1879 г. здесь несколько дней провел Н. Н. Миклухо-Маклай, интересовавшийся в равной мере коренными жителями острова и положением французских ссыльных, в том числе коммунаров. Несколько лет спустя на Новую Каледонию специально отправился русский путешественник Э. Р. Циммерман. Он оставил интересные зарисовки французской колонизации Новой Каледонии. Несомненно, что общественное мнение России было на стороне заключенных, подвергавшихся бесчеловечному обращению на далеком тихоокеанском острове. Однако, надо учитывать, что

царское правительство допускало такие публикации с целью отвлечь внимание от пороков и уласов собственной ссыльно-каторжной системы. Характерно, что в официальной юридической прессе новокаледонская ссылка не подвергалась столь резкой критике, как в либерально-демократической печати.

Исследование Дриля стоит особняком в этом ряду. Он впервые открыто попытался, используя материалы новокаледонской ссылки, привлечь общественное внимание к ссылке в самой России. К сожалению, имя его сейчас почти забыто, и поэтому, прежде чем обратиться непосредственно к материалам его путешествия, необходимо несколько подробнее остановиться на формировании личности этого незаурядного человека.

Дмитрий Андреевич Дриль родился в 1846 г., в 1873 г. он окончил юридический факультет Московского университета. Не удовлетворенный догматическими методами, царившими в то время в русской юриспруденции, Дриль поступает на медицинский факультет для изучения психиатрии, естественных и медицинских наук и применения их для всестороннего исследования личности преступника. Три года он проводит в командировке в Западной Европе, изучая обитателей тюрем, исправительных домов для малолетних преступников, рабочих домов, нищенских приютов, психиатрических клиник. Он становится горячим сторонником нового, развитого итальянскими учеными, антропологического направления в уголовном праве, дополняя его рядом собственных принципиальных положений. Впервые в изучении преступности применяются точные, научные методы, исследуется сочетание внешних общественных условий и внутренних биологических особенностей человека, в центре внимания оказывается личность преступника. В качестве магистерской диссертации Дриль в 1884 г. защитил работу "Малолетние преступники". Однако, "будучи заподозрен в поддержке политических ссыльных"<sup>1</sup>, Дриль не получил разрешения на преподавание в университете, ему пришлось на долгие годы занять скромный пост податного инспектора, а затем юрисконсульта в министерстве юстиции. Все эти годы он продолжал активно заниматься научной деятельностью, опубликовал ряд крупных исследований. Точнее всех характер общественных взглядов ученого выразил М. Ковалевский: "Дриль принадлежал к не-

<sup>1</sup> П. И. Люблинский. Памяти трех русских криминалистов. СПб., 1914, с. 62.

большому числу людей, которые ждали и ждут всего не от политических реформ, не от установления в нашей стране конституционных порядков, а от перевоспитания общества" <sup>1</sup>. Несмотря на отмеченную современниками "аполитичность", Дриль всегда стремился применять свои взгляды на общество в практической жизни. Так, он сыграл большую роль в организации дешевых жилищ для рабочих, в борьбе с алкоголизмом, в устройстве народного университета и политехникума.

Одним из краеугольных камней в учении Дриля были его взгляды на систему наказаний и в частности на ссылку. Стремление предоставить читателю сравнительный материал о действительной ссылке и ее целесообразности и заставило Дриля предпринять в 1896 г. поездку в далекую Новую Каледонию, а затем на окраины Российской империи.

Материалы, собранные Дрилем на Новой Каледонии, первоначально были опубликованы в 1897 г. в "Журнале Министерства юстиции", а затем, как уже отмечалось, в 1899 г. вышли отдельной книгой. Собственно Новой Каледонии в ней посвящено около 45 страниц. Ценность этой работы несомненна и в наши дни, а в свое время она была, пожалуй, уникальным исследованием. С одной стороны, перед нами своего рода моментальный снимок состояния новокаледонской каторги и ссылки во всех ее проявлениях; выполненный на основе разнообразных источников, с другой — это критический анализ всего этого мучообразного материала, сделанный с гуманистических позиций выдающимся криминалистом. Его комплексное исследование базировалось не только на официальных источниках, которые он широко использует, но и на материалах, собранных во время бесед с местными жителями. Так, в его книге упомянуто около 20 лиц, от которых он получал те или иные сведения. Среди его собеседников были губернатор колонии Фэлле, директор тюремной администрации, начальники пенитенциариев и лагерей, служащие в административном и тюремном аппарате, врачи, свободные колонисты-старожилы. Вместе с тем Дриль стремился к непосредственному общению со ссыльными и освобожденными, обстоятельно расспрашивая их о прошлой и нынешней жизни. Но главным источником сведений для Дриля явились материалы, собранные им самим при посещении

1 М. М. Ковалевский. — В кн.: Д. А. Дриль как ученый и общественный деятель. Спб., 1911, с. 11.

различных учреждений каторги и ссылки на острове. Ему удалось осмотреть все типы подобных заведений. Так, он посетил пенитенциарий в Ла Фoa, где отбывали наказание осужденные на каторжные работы, комплекс лагерей для релегированных в Бэ до Прони, дисциплинарное отделение на о-ве Ну, там же убежище для престарелых и госпиталь, полуостров Дюкос, где некогда содержались французские коммунары, а теперь была тюрьма для бывших каторжников и приют для престарелых. Кроме того Дриль объехал ряд концессий — земельных наделов, полученных бывшими осужденными в окрестностях Ла Фoa и Фарино, а также побывал в интернате для детей бывших каторжан в Фонвари.

В подаче и освещении фактов Дриль выступает как объективный исследователь, четко отделяя свое мнение, зачастую отличное, от приводимых им высказываний тюремной администрации и других лиц. В его книге мы не найдем описаний каких-либо исключительных жестокостей, которыми изобилуют мемуары ссылных. Замысел Дриля на наш взгляд состоял в другом — показать на основе большого количества фактов и статистических материалов несостоятельность институтов каторги и ссылки в их реальном состоянии, без вопиющих, чрезвычайных злоупотреблений и эксцессов.

Так, детально описав систему каторжных работ, с ее делением на дисциплинарные классы, Дриль отмечает ее основной порок она создана для "укрощения" (он специально подчеркивает это слово) осужденного, а не для его исправления. На практике заключенные не имеют доступа к книгам, образованию и лишь "взаимно воспитываются в понятиях и правилах преступной среды" (с. 26). Надзиратели, которые по замыслу системы должны быть и воспитателями, не только не интересуются прошлым своих подопечных, но, согласно официальным донесениям, "чрезмерно" грубы и жестоки, совершенно уверены в своей безнаказанности (с. 30). Исправлению заключенных не способствует и огромное количество дисциплинарных наказаний, назначение которых фактически отдано на откуп самим надзирателям, и верховная власть старается не вмешиваться, чтобы не подрывать их авторитета. Приведя эти факты, Дриль отмечает, что "поддержание авторитета никогда не должно происходить за счет справедливости" (с. 31).

С возмущением пишет русский исследователь и о такой категории ссылных как релегированные. Это были так называемые

обычники тюрем — рецидивисты, совершавшие многократные мелкие преступления, за которые они получали небольшие сроки. В эту же категорию были включены бродяги, нищие и алкоголики. В соответствии с законом 1885 г. они, после отбытия тюремного наказания, были подвергнуты релегации — пожизненной ссылке на Новую Каледонию. Здесь они заключались в специальные лагеря и должны были выполнять принудительные работы, получая нищенскую оплату. Дриль добросовестно приводит высказывания тюремной администрации, свободных жителей о совершенной непригодности этих людей к труду, их порочности и т. д. Однако гражданская совесть заставляет его выступать в их защиту — он убедительно показывает, что появление этой категории лиц связано с пороками самого французского общества. Среди причин он называет полную заброшенность в детстве, алкоголизм, разлагающее влияние тюрьмы. Безразличие релегированных к труду объясняется, считает Дриль, безнадежностью их положения в вечной ссылке, которое едва ли не хуже, чем у каторжан, отбывающих определенное наказание (с. 35). Дриль прямо говорил, что коллективная релегация — это ни что иное, как "пожизненное уголовное рабство" (с. 59).

Особо интересовали его лица, с помощью которых французское правительство надеялось провести колонизацию Новой Каледонии — освобожденные, отбывшие каторгу, и так называемые концессионеры, получившие земельные наделы. Мнение собеседников Дриля об освобожденных было единогласным — это бездельники, бродяги, алкоголики — настоящая "язва колонии" (с. 58). Но за этими оценками Дриль сумел увидеть истинные причины подобного явления: "Освобожденные предоставлены исключительно собственным силам", — пишет он (с. 42). Из заключения они выходят почти без денег, а работу найти чрезвычайно трудно. По словам одного из собеседников Дриля, многие из них совершают новые преступления, чтобы снова попасть в тюрьму, "потому что они не находят средств существования на свободе" (с. 42). Вместо реальной помощи правительство попыталось подчинить освобожденных строгому надзору, поставив их, по меткому определению Дриля, в положение "пожизненно-полусвободных людей" (с. 60).

Не выразил большого оптимизма Дриль и относительно главного козыря сторонников ссылки — создания концессий. Прежде всего положение концессионеров можно было назвать исключением —

лишь пятая часть бывших каторжников получала концессии. Среди релегированных такой чести не удостоился ни один человек. Эта форма колонизации не была до конца продумана, многие концессионеры, не будучи знакомы с земледелием, оказывались не в состоянии вести хозяйство, некоторые брали концессии лишь для того, чтобы получать пособие, выдававшееся в течение 30 месяцев, и хоть немного пожить безбедно. Концессии часто забрасывались, их скупали за бесценок свободные поселенцы. Декрет, принятый незадолго до приезда Дриля, был направлен на некоторое упорядочение содержания концессий, однако, как считал русский исследователь, это новое законодательство лишь еще больше затрудняло получение земельных участков.

Общий вывод Дриля был однозначен: "ссылка не удалась... и не дала тех результатов, на которые рассчитывали при ее учреждении" (с. 58). "Конечно, с внешней стороны, — писал Дриль, — ссылка в Новую Каледонию представляется сравнительно упорядоченной, ... но достигается это упорядочение почти исключительно путем применения крайне суровых мер укрощения и стеснения, а не тем исправлением, на которое рассчитывали при введении ссылки и которое необходимо для сколько-нибудь правильной и прочной колонизации" (с. 59-60). Изучение вслед за Новой Каледонией организации ссылки на о. Сахалине, в Примурском крае и в Сибири дало возможность Дрилю провести интересные сравнения. Он писал: "казалось: страна, национальность, степень культуры, нравы, обычаи... все было иное. Тем не менее в основных проявлениях ссылка одной страны представляла собой как бы воспроизводство ссылки другой" (с. 61). Его сопоставление показало, что разложение русской ссылки нельзя объяснить лишь недостатками ее организации, злоупотреблениями и т. д. Ведь даже в Новой Каледонии, где ссылка с внешней стороны организована несравненно лучше, чем в России, она не в состоянии выполнить свою задачу — "исправление и нравственное возрождение <sup>ссылки</sup> в новой среде и при новых условиях трудовой жизни" <sup>1</sup>. Таким образом Дриль раскрыл несостоятельность самого принципа ссылки.

По возвращении в Россию он представил "громадный, подавляющий своими фактами доклад министру юстиции Муравьеву" <sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Журн. Мин-ва юстиции, 1889, № 5, с. 338.

<sup>2</sup> С. К. Гогель. — В кн.: Д. А. Дриль как ученый и общественный деятель. Спб., 1911, с. 22.

Как отмечали современники, поездка Дриля принесла некоторые положительные результаты: был сменен губернатор на Сахалине, введен ряд гуманных мер, его рекомендации были учтены при разработке нового законодательства. Не осталось незамеченным выступление Дриля и во Франции, где также были опубликованы его материалы. Известно, что сторонники французской ссылки, сами не бывавшие на Новой Каледонии, пытались дискредитировать его выводы. Однако, при обсуждении этого вопроса в Тюремном обществе Франции, на защиту Дриля стал губернатор Новой Каледонии Фалле, подтвердивший справедливость наблюдений и обобщений русского ученого (с. 59). Вскоре ссылка на Новую Каледонию была прекращена.

Подводя итоги, мы можем сказать, что Дриль блестяще справился со своей задачей, он представил не просто описание новокаледонской ссылки, но на ее примере показал порочность института ссылки в целом, и в первую очередь русской, где негативные стороны достигли наиболее катастрофических размеров. Его книга, теперь почти забытая, может стать источником для изучения одной из трагических страниц истории французской колониальной империи в Океании.

Е. Ю. Емельянова

#### ИММИГРАНТЫ В АВСТРАЛИИ /ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ДЖУДЫ УТЕНА/

Человечество все глубже осознает, что земля — наш общий дом, что нет более важной задачи, чем сохранение мира. Именно поэтому так много и настойчиво мы говорим о выработке нового политического мышления. Неотъемлемой его частью является осознание общечеловеческого в противовес узконациональным интересам, расовой розни, шовинизму, расизму. Еще Карл Маркс резко осуждал политику, играющую на национальных предрассудках.

Культура, литература могут и должны сделать первый важный шаг в преодолении глубоко укоренившихся национальных предрассудков, в очищении морально-психологической атмосферы от злобы, взаимного недоверия, национальной вражды. Об этом шла речь на "Иссык-Кульском форуме", который указал на резкое возрастание интегративной роли культуры в наше время.

Свой вклад в решение этих проблем вносит австралийская литература, для которой вопросы межнациональных контактов,